

A close-up photograph of a vibrant red rose, the central focus of the image. The petals are tightly packed and show a rich, saturated red color. The background is dark and out of focus, with some blurred light spots. Overlaid on the image are three text elements: the author's name at the top, the title in the center, and a subtitle at the bottom.

Николай Викторович
Кузнецов

ЧЕРНО-БЕЛОЕ

или розовое на зеленом фоне

Николай Викторович Кузнецов

Черно-белое. Или

розовое на зеленом фоне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37943257

ISBN 9785449346933

Аннотация

Черное и белое, как наша жизнь. Но есть еще и зеленое, и розовое, так что не все потеряно...Сборник историй про жизнь, про войну, про нас и вас.

Содержание

Черный альбом	5
Ненависть	5
Последние минуты счастья	10
Солдат. Война. Начало	14
Война. Последний солдат	18
18-ти летние. Война. Послесловие	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Черно-белое Или розовое на зеленом фоне

**Николай Викторович
Кузнецов**

*«Бог шел по земле. Но на это
никто не обращал внимания» —
kraft-cola.*

© Николай Викторович Кузнецов, 2019

ISBN 978-5-4493-4693-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Черный альбом

Ненависть

Лысый и усатый майор стоял перед своими летчиками,

– Не буду долго вам объяснять, все знаете, что сегодня ночью произошло. Эти долбаные ублюдки опять запустили свою ср..ую ракету. Она упала и взорвалась во дворе детского дома. Погибло двенадцать детей и три воспитательницы. В ваших бортовых компьютерах уже заложена вся информация, там же координаты точки, откуда вылетела ракета и данные полученные нашей разведкой. Сотрите их всех в порошок. И чтобы ни один ублюдок не ушел из-под удара.

Через пару часов, где то в пустыне. Учебно-тренировочная база, детский взвод. Глядя на лица юных бойцов, наставник испытывал гордость.

– Солдаты, вы пока еще юны. Но вы уже можете держать в своих руках оружие. Вы уже можете дать отпор врагу. Как мне только что сообщили, враг опять нанес подлый удар. Погибли лучшие представители нашей нации, настоящие сыны и герои своей Родины. И вы дети мои, вы должны помнить: «Кто наш враг, и всегда быть готовыми нанести удар...»

Вечер, шумная дискотека, много молодёжи. Малик стоял в углу, ему было страшно. Надо было сделать всего лишь пару шагов, забраться в толпу, где много людей и нажать на кнопку, зажатую в кулаке. Перед глазами стояло лицо наставника,

– Нет страха в том, что бы умереть за свою Родину. Не смотри на них, они не люди. Это их отцы послали самолеты, которые разбомбили твой дом. Когда будешь нажимать на кнопку, вспомни тела своих родителей и сестёр, под развалинами своего дома...

Танковое подразделение, скрытно подобралось к учебно-тренировочной базе террористов.

Приказ, полученный из командирской машины, был лаконичен: «Уничтожить». Глядя в прицельное устройство и набирая нехитрую программу в наводящем комплексе, наводчик спросил у своего механика,

– Говорят, террористы используют и детей, не знаешь?

– Мне как-то наплевать, кто там и что там, мы получили приказ. Зато я знаю совершенно одно, на той дискотеке, где погибла моя дочь, не было ни одного человека старше шестнадцати лет, там был контроль и проверка, все были только свои, ученики старших классов.

Снайпер сидела, уютно пристроившись на ветках могучей лиственницы. Все выверено с точностью до микрона, расчи-

тан сектор стрельбы, введены поправки на погодные условия: ветер, влажность воздуха, угол падения лучей солнца. Оставалось только ждать.

«Эти поганые захватчики получают сегодня сполна», – вчера ей передали информацию, что именно по этой трассе проедет очень высокое начальство, – «ну что ж значит, я смогу отомстить за своего мужа и многих других мужчин, которые погибли в этой войне за свою независимость». Она не была профессиональным снайпером. Стрелять её научил отец, ещё в детстве. И когда пришла война, к ним в дом, в виде изуродованного трупа, её главного мужчины: мужа, она молча взяла снайперскую винтовку и ушла в лес. Потом было специальное обучение, в одном из затерянных в горах тренировочном лагере, а потом... только зарубки на ложе приклада...

– Слышь, что вчера на соседнем блокпосте случилось?

– Да нет, не слышал,

– Говорят, там вчера пацанов всех положили,

– Да ну на х..й,

– Да точно, я говорю. Подошла какая-то п..да, то да сё, – говорит «Мальчики хотите девочку, типа», а эти бараны сопли и распустили.

– И чё?

– П... ец с маслом пришел всем, у этой с..ки шесть кило взрывчатки было, от пацанов ничё не осталось.

– Вот же с-с..ка, я этих чурок давил и давить всегда буду...

Адель стояла в огромном холле, одной из центральных станций метро. В мусульманском «хеджабе» сейчас не ходишь», – думала она, – «Эти бараны стали пугаными». «Но все-таки, какие же они дураки», – она опять усмехнулась своим мыслям. «Мусульманок стали преследовать, они стали настоящим пугалом», – она оглядела себя, – «а беременных любят, кретины».

Со стороны и вправду, если посмотреть на девушку, никто бы и не подумал ничего. Приветливая, совершенно европейски одетая, с легкой косметикой на лице, беременная девушка не вызывала никаких подозрений. Даже молоденький милиционер с автоматом на плече помог пройти через турникет симпатичной смуглой девице в интересном положении.

«Бар-р-раны, нелюди, животные, и ты ментяра, и твои ментовские ублюдки провели зачистку в моем родном селе-ние полгода назад», – Адель вспомнила. Когда она выпускница престижного европейского института, приехала домой, а там от всей её большой семьи не осталось ничего. После опознания трупов своих родителей и многочисленных братьев, с неё слетела вся европейская шелуха, и осталось только одно...

И глядя на молоденького милиционера, который неуклю-

же краснел и бледнел перед красивой и беременной девушкой, она успела подумать только одно: «НЕНАВИЖУ-У!!!»

Последние минуты счастья

Обычный средний город, Типичный микрорайон. Стандартный панельный дом, восемь этажей. Стоит в ряду таких же домов близнецов. Поздний вечер.

Квартира номер семь.

– Бабуля, а правда, что завтра будет самый лучший день?

– Да моя лапочка. У тебя завтра день рождения. И приедет твой папа из рейса

– А подарок он мне привезет?

– Ну конечно, такой сладкой моей внучке Натусе, как не привезти?

– Как хочу увидеть папочку. И подарок хочу. И гостей на день рождения хочу, хочу, хочу.

– Не шуми, маму разбудишь, она со смены пришла и устала. А завтра наша мама отдохнет, и все вместе будем готовить твой праздник...

Квартира номер двадцать девять.

– Скотина, опять пьяный приперся. Сволочь, сил моих нет. Когда же ты сдохнешь от своей водки?

– Ма-алчать женщина, щас как дам. Я тебе, что денег мало приношу? А она меня еще и обзывает, – пьяный муж уселся на пол и, роняя слюни, продолжил, – я тружусь как последняя скотина. Деньгу домой приношу. А мне, что тут устрои-

ли? Человеку даже и отдохнуть нельзя.

– Какие деньги, ты удад несчастья. Ты же скотина все пропил. И с кем интересно ты так набухался сволочь, а? Твой дружок еще вчера уехал на дачу. Сама видела, они вещи в машину грузили. – Тут жена принялась к своему пьяному супругу, – ах ты го..юк, су..ий потрох, бл..дь в штанах. От тебя бабой пахнет, ну не казёл же. Ты это, у той су..ки крашеной был, да? Я же видела, как она тебе глазки строила, скотина. Ну, все козлице пи... ец тебе пришел реальный, – тут женщина, схватив скалку, начала дубасить своего пьяного муженька.

– Ты чё баба, ты на кого руку поднимаешь? Да ты ваще дура и злая как собака, притом. А Ленка мне и покушать дала, приласкала и еще кое-чего дала. Не бей меня, а то, как вмажу...

Квартира номер тридцать три.

– Милый, ой поддержи меня.

– Анютка, что случилось.

– Ой, ножкой толкнул, ворочается.

– Кто тебя толкнул, кто ворочается?

– Ванька, какой же ты у меня дурачок. Наш малыш ворочается. Вот положи сюда руку, тут, слева.

– И вправду толкается, – Иван, положив руку жене на живот, не верил своему счастью. Под его крепкой ладонью, явно чувствовалось толкание маленькой ножки. – Ого,

как толкает, силен мужик.

– Почему сразу мужик, может девочка будет. Девочки они знаешь, какие приткие бывают?

– А чего он, она толкается, может уже наружу хочет.

– Ну, Вань ну ты совсем тупишь что ли, мне еще пару месяцев доходить надо, а уже потом и рожать будем.

– Может тебе Анюта прилечь?

– Еще чего, пошли чай пить...

Квартира номер шестьдесят пять.

Пожилая семейная пара, поужинав, легли в кровать.

– Антоша, ты телевизор смотреть будешь?

– Да нет Марьяша, устал я чего-то сегодня. Спать хочу.

– Антоша, а ты меня любишь?

– Марьяна Петровна, вы меня, что в инфаркт решили загнать. Это с какой такой стати, я с тобой, разлюбезная Марьяша, столько лет живу?

– Не знаю, может так просто, – Марьяна Петровна хихикнула.

– И я вот не знаю, а может и в самом деле, люблю тебя столько лет.

– И я тебя люблю Антоша.

– А ты что спрашиваешь, не понял я что-то? Али засомневалась во мне а? – Антон Романович сделал грозное лицо и попытался стянуть одеяло со своей жены.

– Сама не знаю Антоша, что – то сердце защемило. Сама

не поняла почему, вроде недавно кардиологию проверяли. Все нормально было.

– Может таблетку дать?

Да ладно спи, я сейчас полежу и пройдет...

Подвальное помещение.

Время три часа, двадцать минут по Московскому времени. Сотовый телефон фирмы Nokia. От него идут провода к немудренному взрывному устройству. Заряд расположен в мешке с гексагеном. Еще точно такие же мешки, двадцать четыре штуки, расположены рядом с основным. Мешки уложены заботливой рукою, в строго очерченном и точно рассчитанном месте. Прозвучал звонок. Немудреная мелодия: «Ах, мой милый Августин, Августин» на доли секунды опередила взрыв. Панельный дом, советских времен застройки, сложился как карточный домик.

Солдат. Война. Начало

Рядовому второй стрелковой роты, двадцать четвертого пехотного батальона, солдату Степану Семга было очень страшно. Так страшно ему не было ещё никогда в жизни. Ему не было страшно, когда его, еще двенадцатилетнего мальчишку, поймали хулиганы из соседней деревни и крепко надавали по шее. Не было страшно и когда он, студент техникума, год назад, заступился за какую-то девчонку, в драке на танцплощадке. И когда пьяный дурак, размахивая ножом, грозился его убить, Степан выбил нож из его рук, а потом помог его доставить в милицию. Но сегодня двадцать второго июня 1941 года, в семнадцать часов ноль – ноль минут, ему стало страшно. По настоящему, до дрожи в коленках, до судорог в животе.

Все началось внезапно, под утро. Не было ни тревоги, ни воя сирен. Было обычное летнее утро. А потом начали падать бомбы. Военный городок был разбомблен сразу. От 24-го пехотного батальона не осталось почти ничего. Через час после бомбёжки, командир батальона майор Евдокимов, смог собрать около сотни человек. И это от батальона, в котором, согласно штатного расписания, было триста шестьдесят два человека. Кроме солдат в живых осталось несколько офицеров. После недолгого совещания, было решено выставить заслон на западном направлении и стоять до тех пор, пока

не подойдут основные силы или наладится связь с вышестоящим командованием.

Это было утром, а сейчас в пять часов вечера, после нескольких бомбежек и трех отраженных атак фрицев, солдат Степан Семга сидел в своем окопчике за невысоким бруствером и смотрел в прицел своей винтовки, и ему стало, наконец, страшно. От той сотни солдат, что встали заслоном на пути фашистов с утра, сейчас в живых оставалось всего ничего, человек пятнадцать, двадцать, и то, если еще считать раненых. Из офицеров, после попадания бомбы, прямо в штабную землянку, не осталось никого, кроме командира третьего взвода, лейтенанта Иванова. И сейчас, когда все уцелевшие сидели, заняв свои места, в наспех открытых окопчиках и траншеях, лейтенант ползком, прикрываясь, пробрался по траншее и занял место возле Степана.

– Что солдат, жив ещё?

– Товарищ лейтенант, когда наши подойдут? – рядовой отвел слезящиеся глаза от прицела винтовки и посмотрел на своего командира,

– Честно сказать, не знаю. Связи нет, и когда помощь подойдет, не скажу солдат. Кстати, как звать тебя?

– Степан я, товарищ лейтенант,

– Держись Стёпа, нас мало осталось.

– Ну что же это делается, а? Товарищ лейтенант. Фриц этот, прёт и прёт. Ну как кобели на сучку. Шальные ка-

кие-то. Я в прицел смотрю, попал в одного, а рядом идут, даже не дергаются, они что психические?

– Может и психические, может пьяные, леший их разберет. Но я знаю одно: – их там было около батальона, как пить дать. И они шли на нас. Да нас почти всех поубивали, но и мы их тоже. Сам сказал, попал в одного – другого. Главное они там, а мы еще здесь стоим и живы ещё. А пока живы, значит, мы их не пустим. Туда, – тут лейтенант, забывшись, махнул своей раненой рукою назад на Восток. От боли в руке, он невольно скривился,

– Боишься? Скажи честно.

– Утром, товарищ лейтенант не боялся, как-то не до этого было. Бомбежка, потом беготня, туда-сюда, времени не было. А потом окопы рыли, опять бомбы, потом фрицы попёрли. Только пули свистят, суки, над ухом и злость в глазах. А сейчас посмотрел на наших и страшно стало. Мало нас.

– Страшно это хорошо, так и должно быть, значит, жив еще солдат. Думаешь, мне не страшно, страшно мне, еще как. Но потому, что нас мало осталось и, что мы не сдюжим и пропустим этих сволочей на нашу землю.

– Спасибо товарищ лейтенант. Разрешите вопрос?

– Валяй,

– Как вас зовут, товарищ лейтенант, вы ведь не из нашего взвода?

– Сергей я, Серёга Иванов. Представляешь Степан, месяц назад женился, а меня направили сюда, на Запад, служить.

Я поначалу хотел и жену сюда взять, да тёща не позволила. У них там, под Курском, хозяйство свое небольшое, огородик есть, парочка коз, коровка. Благодать.

– Да – а, красиво, как представлю, товарищ лейтенант. А сейчас, как все будет, а?

– Да нормально будет, вот продержимся еще немного. Не пустим фашистов. А там и наши основные силы соберутся, танки наши подойдут, авиация. Вломим этим козлам на х..р, дадим им про... ться. Мало не покажется. Глядишь, через недельку по Берлину пройдемся, а после войны в отпуск. Тебя к себе в гости приглашу, в баньке посидим, попаримся, пива попьем...

Небольшая горстка солдат, сидела, окопавшись, в наспех отрытых окопах. В траншеях позади, лежали, тела погибших. Под ногами валялись пустые патронные коробки, какие-то тряпки и бумаги, обрывки бинтов. Тяжелораненых оттащили в сторонку, в небольшое укрытие. А легко раненые, перебинтовавшись, наряду с остальными, заняли свои места в оборонительном рубеже. Грязные, – в земле, песке и пыли. Потные, – перемазанные чужой и своей кровью. В копоты. Солдаты, собрав патроны и гранаты, готовились к отражению очередной атаки врага.

А на них шла ВОЙНА...

Война. Последний солдат

Старик сидел на скамейке, возле своего старенького домика. Вечерело. Приятно было так сидеть, смотреть на закат и курить свою растрескавшуюся и неоднократно им чиненую трубку. Солнце садилось медленно и долго, словно бы раздумывало: – «А может еще немного постоять тут, посветить или сразу на другую сторонку укатить». Так же, не торопясь, текли немудреные стариковские думки.

О чем он думал? О своем нелегком житье-бытье. О том, как проработал почти сорок пять лет, на родном машиностроительном. И как потом его оттуда спровадили на пенсию. Так это у них называлось: «пенсия». О том, как его дети выросли, а потом разъехались кто куда.

Старший, сейчас – капитан дальнего плавания. Тут старик горделиво расправил плечи, – «старшой-то мой молодец». Да и остальные дети не подкачали. Дочери: средняя и младшая, тоже хорошо устроились. Одна вышла замуж за сокурсника и уехала потом с ним в далекую Австралию. Звали к себе в гости и остаться просили. «Да какое там, остаться», – Старик так и не смог привыкнуть к другой стране и вернулся к себе на родину. А младшенькая родила троих детей, с мужем-балбесом развелась, занялась бизнесом. Такая важная стала, на какой-то громоздкой машине разъезжает. «Прям как танк, ну точно Т-34, а еще джип – „Хаммер“ называется,

страшила этакая», – с неодобрением думал старик.

Вспоминал еще он и о своей жене, она умерла пять лет назад. О своей ненаглядной, он часто вспоминал. Первые годы без неё, без слез и не мог. Сейчас как-то пообвык. Но все равно скупая слеза нет-нет, да и пробьет себе дорожку на старческой щеке. Друзей почти не осталось, кто умер давно, кого нерадивые детки спровадили в дом престарелых. Старик был еще полон сил и крепок, как хорошо просмоленное бревно, и поэтому, напрочь отказался от дома престарелых. Жил сам по себе на отдаленном хуторке, регулярно получал пенсию, да и дети помогали. Раз в неделю заезжал в небольшой поселок за продуктами. Дома у него имелось: немудреное хозяйство, современный телевизор и спутниковая тарелка, подарок сына. Так, что все мировые новости мимо нашего старика не проходили. И в поселке, когда он заезжал за продуктами, он всегда был курсе всех мировых и политических новостей.

Об одном он не любил вспоминать точно, о войне. «Да ну её в пень, проклятую», – опять разволновался старик. Да и что вспоминать: как гибли люди под бомбами фашистов, как умирали молодые солдатики. В первые же часы и минуты сражений. Не любил вспоминать старый солдат то, как их еще совсем мальчишек, просто кинули закрывать собою прорыв танковых колон фрицев. И они встали против танков, против этих стальных монстров, с их «крупновской» броней, с их крупнокалиберными пушками, со своими «трехлиней-

ками», с редкими противотанковыми ружьями, с самодельными гранатами по типу: «коктейль Молотова». Что самое странное, они смогли устоять и даже выстоять, но какой ценой. Из тех, кто встал на защиту Родины, в те первые часы и дни войны, практически не осталось никого. А наш герой, тогда еще безусый, но рослый мальчишка, прибавивший себе два года на призыве, с тяжелыми ранениями попал в госпиталь, а через полгода снова на передовую.

Все было, и слезы и радость и любовь. И друзья были, и враги. А потом пришла Победа, и огромное желание жить, любить, создать семью, работать, заиметь детей.

Первые года после войны, как-то просто все было. Надо было работать, откапывать, отстраивать, поднимать страну. Потом нашел свою единственную и ненаглядную, поженились, родились дети. Не сразу конечно, но постепенно, жизнь катилась своим чередом. Раз в году, на 9 мая, надевал свою старенькую гимнастерку с немногочисленными медалями и парочкой орденов, и шел на площадь на Парад.

Одно время общался с однополчанами и сослуживцами, даже в каких-то там обществах и заседаниях принимал участие, общественная жизнь обязывала.

А годы все шли. Собираясь на очередные «9 мая и парад» старик с болью замечал, что солдат «Той Войны», становилось все меньше и меньше, с каждым годом.

И наконец, после очередного Парада, он внезапно понял,

что остался один. Один из тех, кто воевал и защищал свою страну. Один из тех, кто противостоял врагу в самом страшном сорок первом году. Один из тех, кто прошел все круги ада. Один из тех, кто был на здании Рейхстага в сорок пятом году. Он был «Последний солдат» той войны и так ему стало больно, как не было никогда...

Надо сказать, что о ветеранах Великой Отечественной Войны, за последние десять лет стали заботиться все кому не лень. Бизнесмены и государство, различные партии и общественные движения, стали так заботиться, ну так стали любить своих ветеранов, что старик просто уехав из города, не стал ни кому сообщать о своем местонахождении. Достали все, своей «заботой» и «любовью»...

Вот и сейчас, сидя на своей любимой скамеечке, Последний солдат той страшной войны, курил свою любимую трубку, смотрел на заходящее солнце и думал:

«Лишь бы не было войны...»

18-ти летние. Война. Послесловие

1941 год. Август. Где-то на передовой линии фронта.

Восемнадцатилетний Антон Свиридов, рядовой пятидесятого стрелкового полка, лежал на позиции. В своей ячейке, отрытой по всем правилам военного искусства. Соединенной, в свою очередь, с окопом, объединяющем другие ячейки и штабной блиндаж. И все это, вырытое руками и саперными лопатками простых солдат, представляло собою рубеж советской обороны на Н-ском направлении. Только что закончился воздушный авианалет. После грохота разрывов авиационных бомб стояла нереальная тишина. Антон отряхнул землю с каски, поднял свою винтовку, подсумок с патронами. «Неужели еще жив?», – отряхиваясь и осматривая самого себя, не верилось солдату, – «Раз жив, значит, ещё повоюем».

Уцелевшие в авианалете солдаты, отряхивались и приводили себя в порядок. Раненым оказывали первую помощь, а тех, кому уже не могла помочь никакая медпомощь, уносили в тыл, в отдельный блиндаж для последующего захоронения. Офицеры и политруки, после недолгого совещания, быстренько побежали по своим подразделениям, проверять и готовить свой личный состав к грядущей атаке противника. Ведь даже самому молодому и необстрелянному солдату было известно, что после авианалета, фрицы обязательно

попрут в атаку. Среди солдат послышался шумок и говор:

– Что братки, поели каши земляной?

– Да сладка земляца.

– А щас фрица кушать будем,

– Ха —ха —ха,

Рядовой Свиридов, привел свое место в полный порядок.

Поправил саперной лопаткой свой бруствер, еще раз почистил ветошью винтовку. Переложил обоймы с патронами и подсумок с гранатами.

В прицел винтовки он видел небо, землю и точно такую же грязь и глину. Та сторона ничем не отличалась от этой. По «тому небу» летали такие же вороны, как и здесь. Но там был враг, и он готов был все уничтожить и здесь, и там, и все вокруг. А этого допустить было просто нельзя. Как сказал политрук роты, час назад, перед авианалетом: «Братцы, а отступать-то нам нельзя. Позади Родина. Будем стоять насмерть». Правда сейчас сам политрук, с грудью пробитой осколком авиабомбы, был забинтован и унесен санитарями в тыл. А простой солдат Антон Свиридов, зарядив винтовку, приник к прицелу в ожидании атаки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.